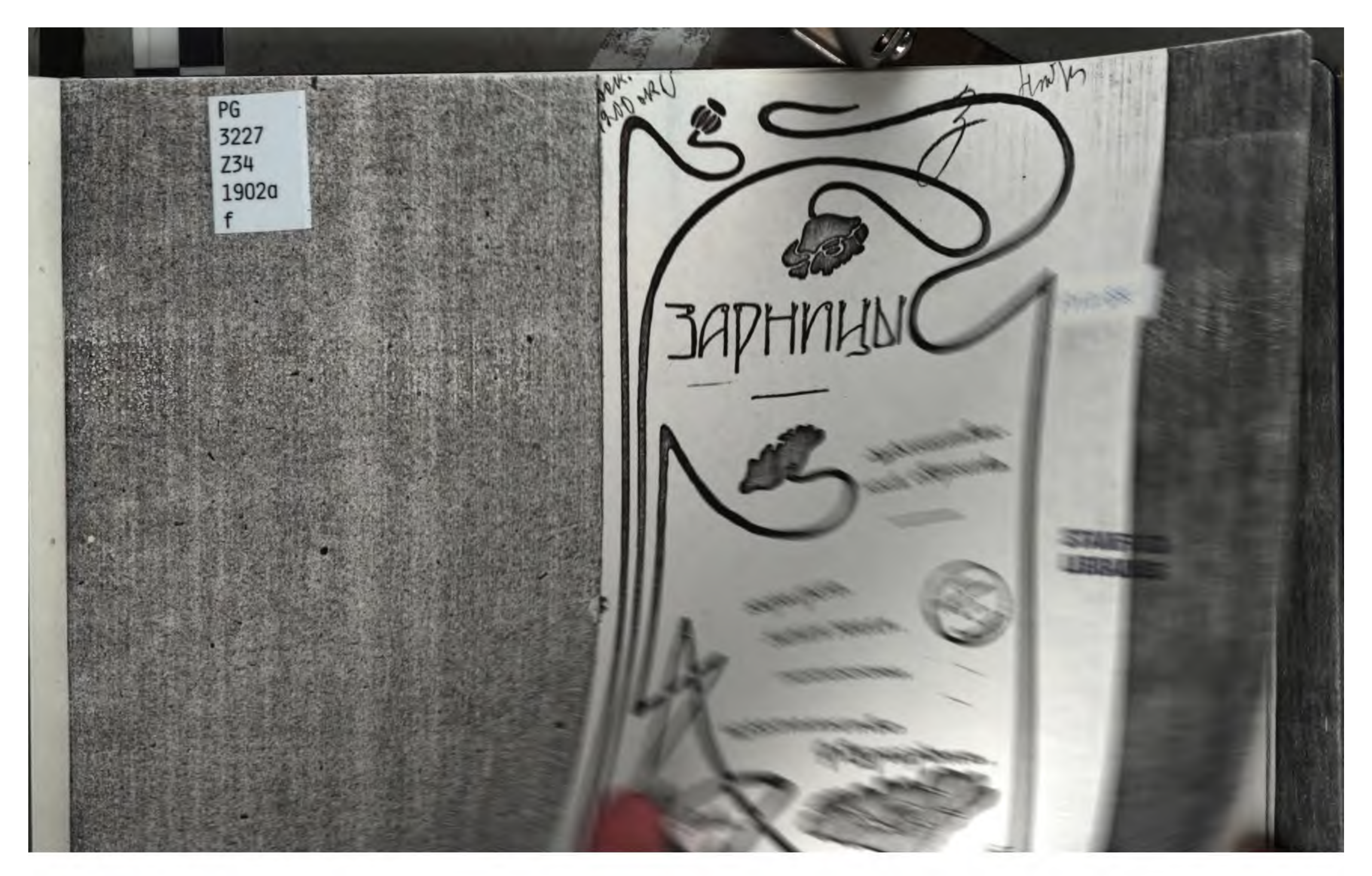

PG
3227
Z34
1902a
f
ЗАРНИЦЫ

Дозволено цензурою. Москва, 19 Января 1902 г. Типо-литографія **Бр. Дерягиныхъ**. Арбатъ, домъ Платонова.

„ЗАРНИЦЫ"

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Дневное свѣтило на западъ склонилось,
Свой огненный отблескъ теряя,
Пурпуровой ризой стыдливо закрылось,
Прощальной улыбкой сіяя.

Какъ яркій румянецъ, по небу разлился
Багровый потокъ отъ зари,
И въ высь голубую стремясь, возносился
Прозрачный туманъ отъ земли.

Послѣдній лучъ солнца, огнемъ загораясь,
Коснулся украдкой листвы,
И трепетно дрогнулъ, въ водѣ отражаясь,
Таинственный обликъ луны.

И звѣзды, мерцая, одна за другою
Зажглись, небосклонъ украшая...
И ночь голубая плыветъ надъ землею,
Какъ нѣжный аккордъ, замирая...

Нина Н.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

(этюдъ).

Съ появленіемъ новыхъ теченій въ русской литературѣ занялась новая зеря; взявъ отъ стараго то, что нужно для поддержанія новаго направленія, не боясь критиковъ съ ихъ профессорскими замашками, стремясь только къ одной цѣли — красотѣ и изяществу, новое направленіе совершенно отвергло всѣ выработанные до сихъ поръ пріемы и условія художественнаго творчества, не признавая для художника иного закона, кромѣ его собственнаго настроенія...

Почему всѣмъ начинающимъ молодымъ силамъ, подающимъ надежды на литературную дѣятельность, ставятъ въ обязанность неуклонно слѣдовать по пути, освѣщенному нашими дѣйствительно великими властителями думъ? — Этотъ путь, безъ сомнѣнія, былъ когда-то новымъ... Зачѣмъ хотятъ, чтобы мы, войдя — если можно такъ выразиться — въ безконечный лѣсъ родного искусства, шли непремѣнно тою же тропой, протоптанной геніальными предшественниками? — Въ чащѣ этого лѣса покоится бездна еще не открытыхъ сокровищъ, изъ которыхъ никто еще не черпалъ, ибо никто еще и не заглядывалъ въ глубь этой чащи, — не заглядывалъ потому, что дороги не было...

Хотя тропа, протоптанная нашими предшественниками, безусловно хороша, но какая же заслуга въ томъ, что мы, молодые, полные жизни и силъ, станемъ покойно итти по этой тропѣ? — Ибо едва ли можетъ быть какая либо заслуга въ подражаніи или въ шаблонѣ. Не въ *этомъ* наша обязанность и нашъ долгъ, а въ томъ, чтобы по примѣру старыхъ поколѣній мы, рискуя собственной жизнью, прорубали новыя тропинки — и вправо, и влѣво, и вдаль, и поперекъ, не страшась ни гущины лѣса, ни колючихъ кустарниковъ и дикихъ звѣрей — Зоиловъ...

Каждое поколѣніе должно приносить литературѣ посильную дань — прорубать все новыя и новыя тропы. Искусство — это ничто иное, какъ соединеніе частицъ красоты въ одно цѣлое... Почему же новое направленіе, такъ безпощадно критикуемое, не можетъ скомплектовать эти частицы, чтобы воздвигнуть себѣ «памятникъ нерукотворный», къ которому «не зарастетъ народная тропа»?..

В. Нейбургъ.

СОНЪ.

Мнѣ городъ приснился, громадный, чудесный:
Въ немъ каждая церковь и башня и домъ,
Казалось, подъ сводъ уходили небесный;
Людей милліоны кишѣли кругомъ...

Тамъ всѣ племена и нарѣчья смѣшались;
На улицахъ съ пальмами сосны сплелись...
И пьяное пѣнье и смѣхъ раздавались,
И съ музыкой въ гулъ непрерывный слились...

Вдругъ буря на землю съ небесъ налетѣла,—
И солнце погасло... Глубокая тьма
Окутала все и чернѣла, чернѣла...
Исчезли деревья, народъ и дома...

Затихло мгновенно развратное пѣнье,
Затихъ многозвучный и стонущій гулъ;
Послышались крики проклятья, шипѣнье...
Огонь темно-красный полъ-неба лизнулъ...

И вспыхнуло небо зловѣщимъ сіяньемъ,
И отблескъ кровавый на землю упалъ;
Наполнились души у всѣхъ трепетаньемъ,
Но каждый, чуть слышно, проклятья шепталъ...

И въ этомъ кровавомъ сіяніи рдѣя,
Ужасенъ былъ каждый испуганный ликъ;
Но, даже отъ ужаса весь леденѣя,
Молитвы стыдился развратный языкъ...

Напротивъ, чѣмъ небо сильнѣй разгоралось,
И воздухъ багровый сильнѣе палилъ,—
У каждаго злобой лицо искажалось,
И каждый подобенъ преступнику былъ...

А воздухъ наполнился клубами пыли,
И было совсѣмъ уже трудно дышать;
И люди, какъ дикіе звѣри завыли,
И стали другъ друга давить и кусать...

И кровью запахло... Горячей волною
Она обагрила поверхность земли...
А смерть пожирала толпу за толпою...
И поплыли трупы въ крови и пыли...

И тучи, зловѣщихъ полны трепетаній,
Ударили дружно кровавымъ дождемъ;
Не стало ужъ слышно предсмертныхъ стенаній... —
Стихія и смерть пировали кругомъ...

А страшное небо то вспыхнетъ порою,
То пламенемъ ровнымъ засвѣтится вновь;
Деревья трепещутъ пурпурной листвою,
И въ капляхъ роняютъ горячую кровь...

И такъ всѣ погибли, не вспомнивъ о Богѣ,
Съ проклятьемъ и бранью на грѣшныхъ устахъ,
Забывши въ развратѣ и пошлой тревогѣ
Того, безъ Котораго всѣ они — прахъ...

Н. Шубниковъ.

Evoe Bachus!

ЗАРНИЦЫ.

I.

Мнѣ памятна та ночь, та дивная картина,
Когда въ твоихъ рукахъ рыдала мандолина,
И голосъ твой звучалъ въ безмолвіи ночномъ;
А изумрудный блескъ прекрасной ночи мая
Лобзалъ твое лицо и, тишинѣ внимая,
Струили ароматъ сирени за окномъ...
Все тише, все нѣжнѣй рыданья мандолины...
И замерли совсѣмъ... Уста твои — рубины —
Чуть тронулись тогда улыбкой неземной;
И пламенный твой взоръ былъ полонъ нѣги чистой,
Какъ блескъ и ароматъ той ночи серебристой...
А я, окаменѣвъ, недвижный и нѣмой,
Восторженно слѣдилъ твой образъ въ лунномъ блескѣ,
Приникнувъ головой къ кисейной занавѣскѣ...

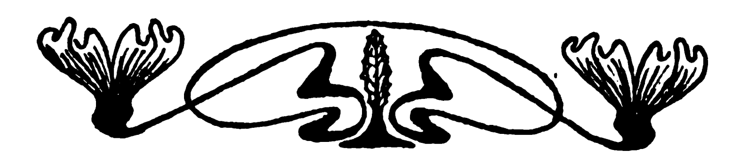
II.

Мнѣ снилось — ночью голубою
Внималъ я шороху вѣтвей,
И жутко было мнѣ порою
Отъ шума, блеска и тѣней...

Въ сіяньи ночи изумрудной
Я думу горькую питалъ,
Я былъ истерзанъ жизнью трудной,
И смерти пламенно желалъ...

И думалъ я подъ говоръ ночи,
Что жизнь — миражъ и суета...
А чьи-то огненныя очи
Смѣялись мнѣ изъ-за куста...

Бархатный.

БОЛОТО.

Разсказъ **Безроднаго.**

I.

Тряпкинъ проснулся, зѣвнулъ, лѣниво приподнялся на локтѣ, чтобы взглянуть на стѣнные часы, висѣвшіе въ изголовьѣ, и тутъ только почувствовалъ тупое нытье въ всемъ тѣлѣ и внутренніе глухіе удары крови въ голову, сопровождавшіеся нестерпимой, давившей на мозгъ болью и шумомъ въ ушахъ. Но въ этотъ моментъ старенькіе часы съ пожелтѣвшимъ и потрескавшимся циферблатомъ въ круглой полированной рамкѣ, какъ-бы изъ состраданія къ похмѣльному человѣку, которому очень нелегко было подняться на столько, чтобы видѣть стрѣлки, слабо чиркнули и послѣ небольшой хриплой прелюдіи закашляли торопливо и прерывисто.

— Восемь, — проворчалъ Тряпкинъ, когда часы успокоились, и, закутавшись въ одѣяло, началъ, какъ змѣя, извиваться и корчиться въ отчаянныхъ усиліяхъ найти для тѣла такое положеніе, въ которомъ не такъ ощутительно было бы непріятное томленіе въ ногахъ и головѣ.

— Нѣтъ, теперь ужъ не уснешь, — рѣшилъ онъ съ досадою послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ впасть въ забытье. — Да и матушка сейчасъ должна вернуться; вонъ, самоваръ уже заглохъ, значитъ, чаю напилась и отправилась за работой.

Спустившись на-половину съ кровати, Тряпкинъ нашарилъ подъ ней штиблеты, изрядно стоптанные и порыжѣвшіе, и, откинувъ засаленное, красное одѣяло, началъ одѣваться, судорожно позѣвывая и стараясь освѣжить воздухомъ ротъ, въ которомъ чувствовалась непріятная, жгучая горечь съ отвратительнымъ запахомъ, отдававшимся въ самомъ темени.

Дмитрій Павловичъ Тряпкинъ былъ высокій, сутулый и худой мужчина, лѣтъ двадцати шести съ сухими волосами, нездоровымъ, одутловатымъ лицомъ и маленькими рыжеватыми усиками, надъ которыми торчалъ вѣчно потный и прыщеватый носъ; сѣрые глаза его съ испещренными зеленоватыми точками зрачками, глядѣли пристально и странно, а постоянно сморщенный поднятыми бровями лобъ и плотно сжатыя губы придавали этому лицу выраженіе испуга, смѣшаннаго съ удивленіемъ и досадою. Чрезъ четверть часа, уже совершенно одѣтый, онъ стоялъ у окна и, расчесывая свалявшіеся волосы, смотрѣлъ, какъ далеко внизу, въ заднемъ углу двора, какая-то кухарка снимала мерзлое бѣлье съ деревянной рѣшотки крохотнаго палисадника, въ которомъ изъ высокаго сугроба торчали три голыхъ кустика какой-то растительности, а среди двора лохматая грязно-бѣлая дворняжка возилась съ костью и придер-

живая ее лапами, бойко вертѣла головой, пробуя добычу зубами то съ одного, то съ другого конца, и сердито сверкала заросшими шерстью глазками, какъ-бы угрожая кости за ея упорство. Въ другомъ, лѣвомъ углу двора, надъ покрытой толстымъ пластомъ рыхлаго снѣга крышей сарая, поднимались коричневые скелеты деревьевъ сосѣдняго сада; мягкій блѣдно-желтый фонъ утренняго неба, лишь мѣстами полинявшаго и просвѣчивавшаго свѣтлой и спокойной, какъ бирюза, лазурью, стушевывалъ ихъ затѣйливыя, но нѣсколько рѣзкія очертанія, и деревья эти съ крышей и небомъ напоминали громадную и превосходно выполненную фотографію. Ночью, должно-быть, подсыпало свѣжаго снѣжку, потому что все, на что онъ только могъ насыпаться, было словно выбѣлено, а рѣшетка сада съ прижавшейся къ ней сбоку собачьей конурой и сваленные у сарая, повидимому, только что привезенные уголья были такъ черны и ярко обрисованы, что, казалось, собирались закричать что-то рѣзкое и настойчивое.

Тряпкинъ протеръ пальцемъ заслезившіеся глаза, отошелъ отъ окна и, шумно вздохнувъ, сѣлъ къ столу, на которомъ сверкалъ желтой мѣдью дешевенькій, но хорошо вычищенный самоваръ; онъ былъ еще горячъ, хотя давно уже пересталъ шумѣть. Но, наливъ стаканъ жидкаго чаю, Тряпкинъ тотчасъ же забылъ о немъ; не прикоснулся и къ калачу, лежавшему у лѣваго локтя его на сѣромъ бумажномъ пакетѣ. Тряпкину съ каждой минутой становилось все хуже и хуже. Его мутило и ломало, а къ обычнымъ страданіямъ похмелья присоединились еще нестерпимые уколы совѣсти. Вспомнилось ему, какъ наканунѣ, пріѣхавъ домой въ два часа ночи послѣ безпросыпнаго трехдневнаго пьянства, и еле взобравшись къ себѣ на третій этажъ, гдѣ съ матерью занималъ двѣ маленькія и сырыя комнатки, онъ всполошилъ все населеніе квартиры, вмѣщавшей въ себѣ четыре семейства, не считая его съ матерью. Мать жалкая, перепуганная, забилась въ уголъ и съ тоскливымъ отчаяніемъ слѣдила за нимъ неподвижными, полными слезъ глазами, а онъ, раздѣваясь, харкалъ и пьянымъ голосомъ выкрикивалъ отвратительныя слова.

Онъ съ ужасомъ отмѣтилъ, что прежде этого съ нимъ не бывало, хотя нерѣдко приходилось напиваться гораздо сильнѣе, чѣмъ вчера. Прежде пьяный, онъ молча приходилъ въ свою комнату и старался какъ можно скорѣе раздѣться, погасить свѣчу и укутаться съ головою въ одѣяло, чтобы не слышать горестныхъ вздоховъ и всхлипываній матери, слезы которой вызывали въ немъ такое ощущеніе, какъ-будто капли какого-то расплавленнаго металла размѣренно падали на его сердце и прожигали его насквозь. Случалось даже, что и самъ онъ на слѣдующее утро, чистосердечно раскаявшись въ совершенномъ проступкѣ, горько плакалъ, цѣловалъ мать и клялся оставить дурную привычку, пріобрѣтенную по милости добрыхъ пріятелей и сослуживцевъ. Конечно, бѣдная женщина, какъ мать, вѣрила ему и охотно шла на примиреніе. Но проходило нѣсколько дней, всякое воспоминаніе о непріятномъ событіи изглаживалось, и Тряпкинъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся „съ направленнымъ носомъ“. Но такъ было прежде, когда юношеское сердце Тряпкина было одинаково доступно бурнымъ и хорошимъ побужденіямъ. Съ теченіемъ времени Тряпкинъ становился въ отношеніи матери все скрытнѣе и раздражительнѣе. Слезливыя покаянія, которыя вдругъ показались ему унизительными и глупыми, замѣнились сухими и неловкими извиненіями, безъ клятвъ и упрековъ послѣ двухъ-трехъ дней взаимнаго молчанія. Впослѣдствіи и эта форма примиреній между матерью и сыномъ была оставлена за несостоятельностью, а самыя примиренія, въ непрочности которыхъ одинаково хорошо убѣдились обѣ стороны, уступили мѣсто коротенькимъ перемиріямъ, заключавшимся по безмолвнымъ соглашеніямъ.

Тряпкинъ еще въ раннемъ дѣтствѣ лишился отца, Павла Сергѣевича, имѣвшаго когда-то собственное торговое дѣльце, но проторговавшагося и существовавшаго послѣдніе четыре года своей жизни перепродажей всякихъ товаровъ и скупленнаго на аукціонахъ имущества. Умеръ онъ въ тридцати-восьми лѣтнемъ возрастѣ отъ воспаленія почекъ въ одной изъ безплатныхъ

городскихъ больницъ, оставивъ семейству изъ жены и семилѣтняго сына беззавѣтную любовь свою и дешевенькую обстановку на одну комнату.

Бѣдная женщина была такъ потрясена смертью мужа въ связи съ нищетою и неудачами, постигшими конецъ его жизни, что чуть не лишилась разсудка; но нѣтъ такихъ утратъ, съ которыми не мирило бы насъ время, иначе скоро не осталось бы на землѣ ни одного живого человѣка, потому что каждаго изъ насъ постигаютъ утраты, которыя пережить кажется невозможнымъ.

Черезъ годъ вдова уже не плакала по мѣрѣ имѣвшихся въ запасѣ слезъ, а берегла ихъ на тѣ случаи, когда приходилось посѣщать могилу мужа въ пятомъ разрядѣ, ничѣмъ не огороженную, съ угрюмымъ деревяннымъ крестомъ и маленькимъ вѣнкомъ изъ фарфоровыхъ цвѣтовъ; а черезъ два года, слушая надъ могилой панихиду, она не плакала совсѣмъ, и только сокрушенно вздыхала и съ холодной, примиренной тоскою неподвижно смотрѣла на мертвый холмикъ, поглотившій безвозвратно драгоцѣнный даръ.

Нужда заставила женщину изыскать способъ добывать хлѣбъ. Она ожесточенно накинулась на работу, какая только была ей по силамъ: стала шить, вышивать, дѣлать цвѣты для дамскихъ шляпъ и, поддерживаемая въ критическіе моменты братомъ покойнаго мужа, Николаемъ Сергѣевичемъ, въ состояніи была кормить себя съ сыномъ, въ которомъ души не чаяла.

Мальчикъ былъ не по возрасту бойкъ и сообразителенъ. Въ семь лѣтъ онъ не только читалъ безъ запинки, но даже заучилъ наизусть нѣсколько страницъ изъ попавшаго случайно въ его руки учебника священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Когда однажды мать привела его къ дядѣ и тотъ, предупрежденный ея восторженными разсказами о богатыхъ способностяхъ мальчика, попросилъ его разсказать о сотвореніи міра и грѣхопаденіи прародителей, Митя, не ломаясь и не смущаясь, категорически заявилъ, что даромъ разсказывать не станетъ и, не взирая на увѣщанія и даже настойчивыя требованія сконфуженной матери, оставался непреклоннымъ до тѣхъ поръ, пока дядя, разсмѣявшись, не далъ ему три мѣдныхъ пятачка и пару большихъ яблокъ.

Это событіе для Мити было очень важно по своимъ послѣдствіямъ. Дядя-холостякъ самъ вызвался руководить его судьбою, имѣя, вѣроятно, извѣстные виды и на мать его, которая, не смотря на свои тридцать пять лѣтъ и пережитыя лишенія, была еще очень свѣжа и миловидна.

Но женщины, какъ извѣстно, умѣютъ безъ труда, если захотятъ, избѣжать такого рода опасности, не нарушая, повидимому, прежнихъ добрыхъ отношеній къ покушавшимся на нихъ мужчинамъ, и если при этомъ сталкиваются съ натурами не совсѣмъ испорченными, то изъ положенія осаждаемыхъ быстро и смѣло переходятъ въ наступленіе, и заставляютъ пристыженнаго мужчину проникнуться уваженіемъ къ оскорбленному цѣломудрію, а не рѣдко принести искупительную жертву.

Тоже повидимому случилось и съ Николаемъ Сергѣевичемъ, который былъ немного моложе покойнаго брата и мужчина вполнѣ благонамѣренный, хотя немного слабый по отношенію къ прекрасному полу. Не добившись у вдовы желаемаго успѣха, онъ постарался сократить свои свиданія съ нею, но въ помощи ей попрежнему не отказывалъ и даже самъ иногда подыскивалъ приличные къ этому предлоги, а о мальчикѣ сталъ хлопотать, какъ о собственномъ сынѣ.

По окончаніи Митей начальнаго городского училища, дядя отдалъ его въ гимназію и, отъ души радуясь успѣхамъ его въ первыхъ классахъ, началъ уже мечтать объ университетѣ. Самъ Николай Сергѣевичъ окончилъ какое-то реальное училище, и хотя былъ коммерсантомъ до мозга костей, однако науку любилъ и къ званію врача или юриста относился съ большимъ уваженіемъ.

Воображеніе уже рисовало ему, какъ, по окончаніи выпускныхъ университетскихъ испытаній, Митя, гордый и счастливый, прибѣжитъ къ нему, повиснетъ на его шеѣ и, задыхаясь отъ волненія, въ состояніи будетъ выговорить только: „Спасибо вамъ, милый дядя... Вы прекрасный, безкорыстный, благородный человѣкъ...“ — „Полно,“ — отвѣтитъ онъ племяннику какъ можно проще и задушевнѣе: „Ты преувеличиваешь: я только выполнилъ свой долгъ, что обязанъ дѣлать всякій человѣкъ, не чуждый порядочности... Незабвенный мой братецъ сдѣлалъ бы для тебя не меньше, если бы былъ живъ... Будь счастливъ и не забывай дядю, если и для него настанутъ черненькіе деньки“... На этомъ мечты Николая Сергѣевича обрывались, такъ какъ не въ мѣру разыгравшееся воображеніе начинало репетировать сцены столь сентиментальныя, что Николай Сергѣевичъ чувствовалъ какъ мурашки бѣгаютъ у него по всему тѣлу и особенно по темени, и что-то щекочетъ въ горлѣ.

Не многіе изъ насъ въ состояніи отказаться отъ награды за свои добродѣтели, сознательныя или даже случайныя. Однихъ соблазняетъ добрая репутація, другимъ пріятны слезы радости, выдавленныя ихъ трогательною добротою изъ глазъ ближняго; большинство же добродѣтельно изъ соревнованія; есть, правда, и такіе, которые творятъ добро втайнѣ и бѣгутъ отъ благодарностей, но это — самые несчастные изъ праведниковъ: это люди съ больной совѣстью, ищущей въ добродѣтеляхъ цѣлебныхъ свойствъ и самозабвенія. Во всякомъ случаѣ, не рискуя прослыть клеветникомъ или софистомъ, можно сказать, что главнымъ источникомъ нашей добродѣтельности является эгоизмъ. А потому онъ полезенъ.

Николай Сергѣевичъ за попеченія о сынѣ бѣдной невѣстки не желалъ никакой награды, кромѣ теплаго и простого, но непремѣнно сознательнаго „спасибо“, которымъ племянникъ, ставъ зрѣлымъ гражданиномъ и полезнымъ членомъ общества, заплатилъ бы ему за это счастіе.

Но дождаться этого „спасибо“ Николаю Сергѣевичу не было суждено.

Съ третьяго класса гимназіи Митя началъ полѣниваться и шалить; въ четвертомъ классѣ числился по отмѣткамъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ учениковъ и въ пятый класъ перебрался съ переэкзаменовкой, спасенный исключительно быстрой и прочной памятью. Учитель русскаго языка, которому Митя всегда угождалъ сочиненіями, отзывался о немъ, какъ о мальчикѣ очень даровитомъ, но безнадежно лѣнивомъ, а законоучитель, близорукій старичокъ съ добренькимъ, но нѣсколько ржавымъ баритономъ и зеленоватой сѣдиной прибавлялъ къ этой коротенькой характеристикѣ, что у Мити недоброе и непокорное сердце.

Гимназистамъ, однако, не было рѣшительно никакого дѣла до сердца Тряпкина, который былъ для всего класса незамѣнимымъ товарищемъ и коноводомъ. Что бы ни затѣвалось противъ гимназическаго начальства, онъ всегда становился во главѣ заговорщиковъ, очень гордый своимъ рискованнымъ положеніемъ.

Николая Сергѣевича очень непріятно поразилъ совершившійся въ племянникѣ переломъ. Испробованы были всевозможные способы вразумленія, но всѣ они, какъ это и всегда неизбѣжно случается со всякими вразумленіями, давали результаты, какъ разъ обратные ожидаемымъ. Выслушивая скучную дядюшкину мораль, Митя принималъ смущенный, потерянный и покорный видъ кающагося грѣшника, виновато улыбался и краснѣлъ, а на другой день съ тѣмъ же неизреченнымъ смиреніемъ „отбывалъ“ послѣ уроковъ наказіе за новыя проказы.

Но пятый классъ былъ для Мити роковымъ. Однажды, въ половинѣ учебнаго года онъ нарисовалъ на нелюбимаго всей гимназіей инспектора довольно неприличную каррикатуру съ не менѣе неприличной надписью и пустилъ ее по классу за урокомъ исторіи; гимназисты много смѣялись бойкому остроумію товарища, и каждый прибавлялъ къ каррикатурѣ, что могъ. Когда же она, наконецъ, дошла до гимназиста Брускова, занимавшаго послѣднюю парту и слывшаго въ гимназіи талантливымъ гармонистомъ и рисовальщикомъ, тотъ досталъ откуда-то полный наборъ цвѣтныхъ карандашей, и въ нѣсколько минутъ такъ мастерски раскрасилъ работу цѣлаго класса, что при взглядѣ на нее невозможно было удержаться по крайней мѣрѣ отъ улыбки; пока ка-

рандаши, словно одухотворенные волей и талантомъ Брускова, прыгали по бумагѣ, а онъ, склоняя голову на бокъ, ухмылялся счастливо и торжественно, какъ ухмыляется только одинъ художникъ своему дѣтищу, сосѣди по партамъ зорко слѣдили за процессомъ его творчества; а когда онъ кончилъ, съ десятокъ головъ, скаля зубы, потянулось къ его столу со всѣхъ сторонъ.

Взбѣшенный столь открытымъ и нахальныхъ безпорядкомъ за урокомъ, учитель вскочилъ изъ за стола, и не успѣлъ Брусковъ опомниться, какъ костлявая рука его уже вцѣпилась въ рисунокъ.

— Это что такое?!... Извольте выйти изъ класса и остаться послѣ уроковъ!... А...а...а... каррикатура... закричалъ онъ, позеленѣвъ и тряся полошадиному головою.—Хорошо-съ, послѣ поговоримъ... Кстати, сегодня совѣтъ, и я покажу ему вашу работу...

Брусковъ медленно вышелъ изъ-за стола и уныло, но покорно направился къ двери; а когда скрылся за нею, всѣ глаза съ любопытствомъ, къ которому въ нѣсколькихъ взглядахъ примѣшивалось явное злорадство, скосились въ лѣвый уголъ гдѣ сидѣлъ виновникъ событія—Тряпкинъ; всѣ смотрѣли и ждали, какъ онъ поступитъ въ такомъ неожиданномъ и щекотливомъ положеніи.

А онъ, блѣдный, стиснувъ губы, всталъ и медленно, но твердо и спокойно направился къ учительскому столу. Классъ замеръ въ ожиданіи новой сцены, которая непремѣнно должна была сбить съ толку преподавателя и этимъ самымъ многихъ спасти отъ дурного бала, потому что учитель исторіи, бывая не въ духѣ, спрашивалъ немногихъ, слушалъ съ вялыми, неподвижно уставившимися въ одну точку глазами, вѣроятно ничего не видя и не слыша, и всѣмъ, безъ разбора, ставилъ хорошія отмѣтки.

— Вы, Корнелій Дмитріевичъ, напрасно обидѣли Брускова: онъ не виноватъ, я одинъ рисовалъ и раскрашивалъ эту каррикатуру. Такъ и на совѣтѣ можете заявить. А самый рисунокъ отдайте мнѣ или разорвите —Митя проговорилъ это неровнымъ, прерывающимся голосомъ, не спуская глазъ съ учительскаго подбородка.

Учитель нетерпѣливо передернулъ плечами, заерзалъ на сидѣньѣ, потомъ вскочилъ и, забѣжавъ какъ будто на случай обороны за спинку стула, застоналъ чахоточнымъ и какимъ-то жалобнымъ, словно обиженнымъ, теноромъ, поднявъ брови и расширивъ, какъ задыхающійся, ноздри.

— А извѣстно ли вамъ, чудакъ вы этакій, чѣмъ это можетъ для васъ кончиться, а?... Конечно, спасибо вамъ за скорое и прямое признаніе, но все-таки таланту вашему я порадоваться не могу, да и вамъ придется надъ нимъ поплакать, горько поплакать... И неужели вы даже не подумали, когда рисовали: „что я дѣлаю, смѣю ли я, мальчикъ, издѣваться надъ такимъ заслуженнымъ, почтеннымъ, гуманнымъ труженикомъ, какъ Александръ Николаевичъ?“... Ну, и разсудите теперь, развѣ могу я, развѣ имѣю право оставить вашъ поступокъ втунѣ, въ поощреніе дурнымъ побужденіямъ всего класса?... Нѣтъ-съ, я для очистки собственной совѣсти обязанъ васъ выдать головою оскорбленному вами Александру Николаевичу... Какъ онъ тамъ съ вами расправится,—это его дѣло. Думаю, что не похвалитъ... Кх... кх... кх... Идите на мѣсто...

— Отдайте, Корнелій Дмитріевичъ... пожалуйста...

— Да не могу же я, поймите, не могу, чудакъ вы какой право...

Учитель снова закашлялся въ платокъ и отошелъ въ уголъ комнаты, къ двери,—къ мѣдному тазику съ пескомъ, чтобы отхаркаться. Митя же, стоявшій все время неподвижно, потрескивая ногтями лѣвой руки и засунувъ правую за ремень у самой пряжки, спокойно смотрѣлъ на рисунокъ, вложенный учителемъ въ журналъ и оставленный вмѣстѣ съ нимъ на столѣ, и вдругъ, вспыхнувъ, выдернулъ злополучную бумажку и мгновенно разорвалъ ее въ мелкіе клочки.

— Не хотѣли отдать, такъ я самъ взялъ... и разорвалъ... пробормоталъ онъ и, пошатываясь, направился къ двери.

Восторженный шопотъ пронесся по классу. Учитель остолбенѣлъ, и только когда захлопнулась за Тряпкинымъ дверь, прошипѣлъ: „А... такъ вы вотъ еще что!.. ну, хорошо-съ, просимъ не прогнѣваться...“

На другой день Митя былъ уволенъ по постановленію училищнаго совѣта.

Съ этого-то времени и начались для него злоключенія. Сначала дядя страшно разсерженный и слышать о немъ не хотѣлъ, но потомъ понемногу сталъ поддаваться слезливымъ просьбамъ невѣстки „не дать погибнуть легкомысленному мальчику“, и черезъ мѣсяцъ сказалъ ей:

— Ну, хорошо, пусть придетъ ко мнѣ, пожалуй, пристрою куда-нибудь... Только предупреждаю, Александра Яковлевна: если онъ и здѣсь нагадитъ,—я отъ него отступаюсь навсегда?.. Слышите... Такъ и ему скажите.

Отгулявшемуся и разтолстѣвшему Митѣ уже надоѣло бить баклуши, и онъ несказанно обрадовался возможности заняться какимъ-нибудь дѣломъ, и не видѣть, находясь на службѣ, съ утра до вечера, матери, которая въ послѣднія двѣ недѣли съ какимъ-то методическимъ ожесточеніемъ отравляла его идиллію слезами и распеканіями. Соблазняла его также и самостоятельность, которая по его мнѣнію, давалась всякимъ, хотя бы и самымъ маленькимъ, жалованьемъ.

— Эхъ, Митя, Митя, не того я ждалъ отъ тебя... встрѣтилъ его Николай Сергѣевичъ, вертя между пальцевъ чайную ложечку и сосредоточенно слѣдя за ея движеніями.

— Я самъ не сталъ бы и разговаривать больше съ тобою, если бы не матушка твоя... Жалко не тебя, а ее, бѣдную... Знаешь ли ты, камень, какъ она за тебя просила и плакала, а тебѣ и горюшка мало?! Или ты думаешь, что легко теперь проложить себѣ дорогу безъ аттестата. Нѣтъ, братецъ, съ первыхъ же шаговъ споткнешься и размозжишь голову. Нужны очень прыткія ноги и крѣпкая голова, чтобъ одолѣть всѣ эти кочки и канавки, которыя жизнь нарочно раскидываетъ намъ по пути. Это для того, чтобы побѣдителями выходили только сильные и ловкіе, которые могутъ сдѣлать жизнь интересной, красивой и осмысленной. Слабые, лѣнтяи и нытики только воздухъ заражаютъ тоскою, а когда изъ зависти къ успѣхамъ другихъ врываются въ самый вихрь жизни, то не выдерживаютъ его напора и дѣлаютъ жизнь безпорядочной сутолокой. Поэтому-то теперь въ большую, такъ сказать, жизнь и допускаются только патентованные, закаленные духомъ бойцы. Есть, конечно, и между ними дрянь, но и ей все-таки принадлежитъ лучшее мѣсто им... ну хотя бы на задворкахъ жизни, куда выкидывается всякій ненужный хламъ и кухонные отбросы... Такъ вотъ—Митя, и сообрази, что ты потерялъ съ гимназіей... У-уфъ, Боже мой... Ну что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать?.. Будешь служить?..

Митя радостно встрепенулся.

— Очень радъ, дядя... Спасибо вамъ. Я постараюсь.

— Ладно, посмотримъ. Почеркъ-то у тебя какъ... сносный?

— Да, писалъ на четверку.

— Мм... ну, хорошо. Я дамъ тебѣ рекомендацію... Впрочемъ, вотъ что сдѣлай... Онъ порылся въ карманѣ и досталъ оттуда клочекъ бумаги съ бланкомъ какой-то фирмы. - Напиши ка въ эту контору заявленіе,—предложеніе услугъ,—приблизительно въ такой формѣ: Годъ, мѣсяцъ, число. Милостивые государи... Въ виду имѣющейся у васъ (это слово въ коммерческой корреспонденціи всегда пишется съ прописной буквы), въ виду имѣющейся у васъ въ настоящее время вакансіи, которую я могъ бы занять въ пріятной надеждѣ, что сумѣю вполнѣ оправдать довѣріе уважаемой конторы (тоже съ большой буквы)... и добросовѣстно и аккуратно выполнять всѣ возложенныя на меня обязанности... въ предѣлахъ моей теоретической подготовки, настоящимъ имѣю честь предложить свои услуги... Редактировать это заявленіе, конечно, можешь и иначе; ты, кажется, недурно владѣешь языкомъ. Только избѣгай пустословія. Пиши короче, яснѣе и вѣжливѣе, — это очень важно.

Тамъ, видишь ли, тебѣ придется вести одну или двѣ книги и немножко корреспондировать, а потому я тебѣ совѣтую немножко поупражняться на образцахъ коммерческихъ писемъ... Я тебѣ дамъ сейчасъ „Практическое руководство къ коммерческой арифметикѣ и корреспонденціи“, — проштудируй сегодня же эту книжонку, а завтра я тебя слегка проэкзаменую... Только смотри, Дмитрій, если ты опять забудешься, — я тебя больше не знаю и ни одной корки хлѣба не дамъ тебѣ, если будешь умирать съ голоду. Помни это...

Черезъ недѣлю Митя сидѣлъ за конторкой съ малиновымъ сукномъ на крышкѣ и подъ руководствомъ помощника бухгалтера обучался всякимъ конторскимъ премудростямъ. Дебетъ, кредитъ, транспортъ, счетъ кассы, счетъ комиссіонныхъ... — все это перемѣшалось въ его головѣ въ какомъ-то невообразимомъ хаосѣ, и онъ рѣшительно ничего не понималъ, хотя слушалъ внимательно и въ знакъ того, что понимаетъ, утвердительно кивалъ головой. „Ладно“, думалъ онъ, „книга уже начата; авось, какъ-нибудь постигну; да навѣрное въ очень-то затруднительномъ случаѣ опять кто-нибудь покажетъ, растолкуетъ.“ И дѣйствительно недѣли черезъ двѣ-три Митя, не имѣя совсѣмъ никакой „теоретической подготовки“ къ конторѣ настолько освоился со своимъ дѣломъ, что работалъ почти механически. Веденіе книгъ оказалось такой глупостью, что Митя не могъ удержаться отъ смѣха при воспоминаніи о лихорадкѣ, которая трясла его, когда онъ со своимъ заявленіемъ и рекомендательнымъ письмомъ отъ дяди сидѣлъ въ пріемной конторы въ ожиданіи прихода бухгалтера, ушедшаго, какъ сообщилъ ему швейцаръ, обѣдать.

Позже Митя узналъ, что въ конторѣ только бухгалтеръ да помощникъ его имѣли достаточныя свѣдѣнія въ бухгалтеріи, среди большинства, „напивыряввшагося“ въ веденіи книгъ, встрѣчались и такіе экземпляры, которые не только бухгалтеріи, но и языка родного не знали удовлетворительно, что, однако нисколько не мѣшало имъ драть носы и получать сравнительно большіе оклады. Вообще, коммерческій трудъ,-одинъ изъ самыхъ легкихъ, пустыхъ по содержанію и результатамъ, но при всемъ этомъ неимовѣрно дорого оплачиваемыхъ видовъ труда.

Въ началѣ Митя былъ страшно непріятно пораженъ царившими въ конторѣ низенькими страстишками, пошлостью, шкурностью и умственнымъ убожествомъ; но потомъ и самъ, утомленный неравной борьбою, въ которой напрасно пытался отстоять нѣкоторыя свои качества, казавшіяся ему благородными и совершенно отсутствовавшія у другихъ конторщиковъ, началъ по-немногу уступать ужасному давленію этой проклятой атмосферы.

А черезъ два года былъ въ состояніи хладнокровно выслушать вдохновенную рецензію счетовода Узколобова, который, восхищаясь видѣнной наканунѣ оперой „Евгеній Онѣгинъ“, недоумѣвалъ, какъ Пушкинъ могъ совмѣстить въ себѣ два генія сразу — поэтическій и музыкальный. Узколобовъ давно слышалъ, что какой-то „Евгеній Онѣгинъ“ написанъ Пушкинымъ, тѣмъ самымъ, которому въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, кишащемъ по вечерамъ веселыми женщинами и, значитъ, хорошо извѣстномъ Узколобову, поставленъ памятникъ, и, попавъ на оперу того же наименованія, остроумно заключилъ, что музыка къ этому произведенію Пушкина написана имъ же. Обсуждая достоинства оперы, Узколобовъ никакъ не могъ разобраться, кто кого убиваетъ на дуэли послѣ бала — Онѣгинъ Ленскаго, или Ленскій Онѣгина. Однако помимо высокаго эстетическаго наслажденія полученнаго въ театрѣ, этотъ умница сумѣлъ по своему выжать еще и мораль изъ самаго сюжета оперы.

— Ужъ и штатія же, — говорилъ онъ, хихикая и задыхаясь отъ восторга, — этотъ самый Онѣгинъ или Ленскій, что-ли... Тотъ того затащилъ къ Ларинымъ и познакомилъ съ Татьяной и Ольгой, за которой самъ стрѣлялъ, а онъ его за это - бацъ, и укокошилъ... Кх... и... Вотъ чертова перешница!.. Хороши пріятели, нечего сказать, — какъ онъ его поблагодарилъ-то!.. Кх... и... Не надо, значитъ, знакомиться, когда пріятели знакомятъ... А то и насъ такъ... Кх... и... Вѣдь, вѣрно, Митька...

Были впрочемъ конторщики и иного пошиба. Напримѣръ, Цаплинъ. Этотъ окончилъ какое-то коммерческое училище со званіемъ личнаго почетнаго гражданина и кандидата коммерціи, чѣмъ очень гордился, не упуская случая щегольнуть этимъ титуломъ, надъ которымъ Митя долго ломалъ голову, стараясь отгадать, что онъ означаетъ, да такъ и не отгадалъ. Высокій, длинноногій и худой, въ необыкновенно широкомъ пиджакѣ и брюкахъ, Цаплинъ напоминалъ движущійся шестъ съ искусственными конечностями и птичьей головкой, подпертой полотнянымъ воротничкомъ такой высоты, что можно было подозрѣвать скрытую въ немъ вторую головку. Онъ имѣлъ претензію казаться серьезнымъ, но добродушнымъ и привѣтливымъ, для чего постоянно щурился черезъ стальныя пенснэ, забавно балансировавшія на вздернутомъ носикѣ и имѣвшія частыя поползновенія къ сползанію, но моментально водворяемыя на мѣсто парой растопыренныхъ пальцевъ кандидата коммерціи. Въ качествѣ аристократа онъ носилъ модные галстуки и упражнялся въ разговорахъ на французскомъ языкѣ, постоянно таская съ собой какой-нибудь французскій романъ, который оставлялъ на столикѣ швейцарской, дабы всѣ приходящіе имѣли случай убѣдиться, что счастливая контора считаетъ въ лонѣ своемъ нѣкоего просвѣщеннаго работника. Страсть къ знанію у Цаплина была развита до болѣзненности; надо даже полагать, что онъ умѣлъ какъ-то обходиться совсѣмъ безъ сна, потому что умудрялся въ каждую ночь прочитывать по крайней мѣрѣ по одной толстой и умной книгѣ; о начитанности его въ конторѣ говорили испуганнымъ шопотомъ; всѣ новѣйшія открытія науки и вѣянія въ литературѣ становились извѣстными въ конторѣ черезъ Цаплина; черезъ него же проникло въ контору и увлеченіе декадентствомъ, выразившееся въ началѣ въ необыкновенно яркихъ галстукахъ, а позднѣе въ надписяхъ на книгахъ и папкахъ какимъ-то особеннымъ шрифтомъ собственнаго изобрѣтенія неутомимаго просвѣтителя невѣжественной конторы. Всѣ эти разнообразныя достоинства, непостижимо и гармонично сочетавшіяся въ одномъ человѣкѣ обезпечивали Цаплину среди сослуживцевъ общее уваженіе, котораго не могла поколебать даже доподлинно всѣмъ извѣстная слабость его къ рисованію комическихъ пѣтушковъ и лошадокъ неслыханной породы.

Было и еще нѣсколько интересныхъ типовъ. Помощникъ бухгалтера, дряблый геморойкъ, большой охотникъ посальничать, выпить на чужой счетъ и обыграть на билліардѣ пьянаго товарища; онъ, повидимому воображалъ себя недюжиннымъ оригиналомъ и умницей и очень любилъ сильные, но до омерзительности неприличные обороты рѣчи, совершенно игнорируя отвращеніе слушателя къ такого рода краснорѣчію; обращаясь къ равнымъ себѣ по положенію за необходимыми по дѣлу справками, онъ копировалъ оффиціально-грубый тонъ самого бухгалтера и непремѣнно начиналъ рѣчь оборотомъ: „А потрудитесь-ка (имя рекъ) сказать мнѣ то-то и то-то“. Затѣмъ, Митю поразили необычайныя, но до поры до времени затаенныя познанія сидѣвшаго по лѣвую руку бухгалтера и бывшаго его лѣвою рукою лингвиста сомнительной національности, съ фамиліей, усвоеніе которой памятью представлялось дѣломъ довольно затруднительнымъ; лингвистъ зналъ себѣ цѣну и избѣгалъ близкихъ отношеній съ сослуживцами, считая ихъ всѣхъ огуломъ набитыми дураками, коснѣвшими въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, не исключая и гордаго собою Цаплина. Характернымъ дополненіемъ къ этой маленькой галлереѣ живыхъ типиковъ являлся потомственный дворянинъ Лежебоковъ, слывшій въ конторѣ за помѣшаннаго, но бывшій въ сущности очень и очень, что называется, себѣ-на-умѣ; ему можно было, не опасаясь за послѣдствія наговорить кучи дерзостей и даже отвѣсить иногда для внушительности по шеѣ, зато рискованно было одолжить одинъ или нѣсколько двугривенныхъ, къ которымъ Лежебоковъ питалъ особенно нѣжную привязанность, простиравшуюся до совершеннаго забвенія связанныхъ съ ихъ поступленіемъ въ благородный карманъ обязательствъ; игривая натура Лежебокова не могла ни одного дня прожить безъ граціозныхъ шуточекъ, любимой изъ которыхъ была слѣдующая: иногда Ле-

жебоковъ, въ память своего благороднаго происхожденія, любилъ понѣжиться утромъ въ постели, а чтобы не опоздать на службу, бралъ не торгуясь перваго попавшагося извозчика и гналъ его во всю прыть; поровнявшись съ конторой, помѣщавшейся въ собственномъ домѣ на одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ Москвы шутникъ моментально выскакивалъ изъ пролетки или саней и скрывался въ подъѣздѣ дома, предоставляя фантазіи озадаченнаго извозчика, остановленнаго на перекресткѣ городовымъ за бѣшеную ѣзду „порожнемъ", дѣлать заключенія о странномъ изчезновеніи сѣдока; крѣпко выругавшись и припомнивъ рѣзкія черты злодѣя, его огромный носъ и круглые красные глаза на-выкатѣ, извозчикъ, надо полагать, приходилъ къ выводу, что сдѣлался жертвой проказъ досужаго чорта во образѣ человѣческомъ, ибо русскій мужичекъ еще допускаетъ существованіе чертей, падкихъ на подобныя шалости. Сходство Лежебокова съ обитателемъ пекла довершалъ пиджакъ какого-то огненнаго цвѣта узенькія, въ натяжку, брюки и до-нельзя заношенные штиблеты, очень похожіе сзади на чорговы копыта. Дворянскому происхожденію своему Лежебоковъ придавалъ такое громадное значеніе, какъ будто оно имѣло вліяніе на судьбы цѣлаго міра, и когда какой-нибудь смѣльчакъ изъ мѣщанъ или другого низкаго сословія осмѣливался спросить его, въ чемъ онъ полагаетъ свое главное достоинство, тотъ отвѣчалъ высокомѣрно и язвительно: „Въ томъ, что я сумѣлъ, въ пику вамъ, родиться отъ потомственнаго дворянина... Да-съ, душа моя, умѣй родиться". Такой доводъ, конечно, сразу отбивалъ у смѣльчака охоту къ возраженіямъ, и диспутъ заканчивался въ пользу Лежебокова.

Однако, больше всѣхъ интересовалъ Митю счетоводъ Узколобовъ. Этотъ имѣлъ соотвѣтствующій фамиліи, но постоянно нахмуренный и даже какъ-будто размышляющій лобъ, худое, скуластое съ бѣлыми пятнами, лицо, каріе, съ выраженіемъ затаенной злости и тупого эгоизма глаза, короткій носъ и сухія губы съ глупой, нехорошей усмѣшкой, обнажавшей оба ряда рѣдкихъ и желтыхъ зубовъ. Узколобовъ былъ крайне высокаго мнѣнія о своей внѣшности, особенно по воздѣйствію на женщинъ, и каждый день во время обѣденнаго перерыва, когда прочіе конторщики занимались утоленіемъ голода, отправлялся въ ближайшій пассажъ и тамъ „охотился"; если случалось въ это время проходить пассажемъ кому-нибудь изъ сослуживцевъ, Узколобовъ мефистофельски хмурился и безцеремонно отворачивался, давая понять пріятелю, что тотъ мѣшаетъ и конфузитъ его, Узколобова, своимъ недостаточно моднымъ платьемъ. Узколобовъ былъ большимъ франтомъ, но при выборѣ фасоновъ всегда руководился чужими указаніями, вслѣдствіе чего сшилъ себѣ однажды пару такого каррикатурнаго покроя, что на другой же день, безпощадно осмѣянный всей конторой, стащилъ ее обратно къ портному, которому былъ долженъ рублей двѣсти, и, швырнувъ свертокъ чуть не въ самое лицо его, прокричалъ дикимъ голосомъ: „Посмотрите, что Вы сдѣлали"...

— Въ чемъ дѣло-съ?

— Вы, съ позволенія сказать, жуликъ,—зашипѣлъ Узколобовъ трагически, брызгая во всѣ стороны слюною:—Драть-то дерете, а дѣлать не умѣете... Что вы, на смѣхъ, что ли, меня шутомъ-то нарядили, на самомъ-то дѣлѣ?... Чучело я что-ли огородное, на которое всякую дрянь пялить можно, на самомъ-то дѣлѣ?...

— Позвольте...

— А еще вывѣски во весь домъ повѣсили... Въ сибирь васъ за это?!...

— Позв...

— Да ужъ молчали бы, чертова перешница... Я знаю, что вы нарочно это сдѣлали... За это порядочные люди морду бьютъ... Вы... вы—сволочь, милостивый государь,—прости Господи, на грѣхъ навелъ...

Неизвѣстно, какой оборотъ приняла бы эта сцена, если бы умный портной не сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ раздраженнымъ идіотомъ и во-время не скрылся во внутренніе покои, выславъ, вмѣсто себя, для объясненій съ

буйнымъ заказчикомъ своего помощника, здоровеннѣйшаго дѣтину, который однимъ своимъ видомъ сразу укротилъ Узколобова настолько, что бѣдняжка едва могъ держаться на ногахъ по причинѣ трясенія поджилокъ. Тѣмъ не менѣе, Узколобовъ рѣшилъ отомстить за обиду, и когда тотъ же самый великанъ явился къ нему за полученіемъ долга, буквально поднесъ ему кукишъ подъ носъ. Но судьба наша большая капризница, и Узколобову пришлось-таки удовлетворить портного черезъ судъ, да сверхъ долга заплатить еще какія-то судебныя издержки. Узколобовъ въ конторѣ и Узколобовъ на улицѣ—были два совершенно различные человѣка: въ конторѣ, одинокій, всѣми обѣгаемый, онъ сидѣлъ за своей конторкой сгорбившись и очень напоминая прибитую дождемъ ворону, а на улицѣ какъ-то необыкновенно легко скользилъ по тротуару, размахивая по-военному правой рукою и не безъ пріятности покачиваясь на ходу всѣмъ корпусомъ. Прежде чѣмъ выйти на улицу, Узколобовъ долго чистился, причесывался и охорашивался передъ зеркаломъ швейцарской, снимая каждую пылинку съ моднаго костюма и тщательно оглядывая себя со всѣхъ сторонъ.

Митю очень забавляли самоувѣренныя и оригинальныя по формѣ и ни съ чѣмъ несравнимой тупости разсужденія Узколобова, который въ хорошемъ расположеніи духа (а въ дурномъ онъ бывалъ очень рѣдко) не могъ ни одной фразы произнести безъ хихиканья, такого характернаго и звонкаго, словно въ голосовыхъ связкахъ его имѣлись для этой функціи какіе-то особые неутомимые придатки. Но близкое общеніе съ Узколобовымъ, хотя бы и въ видахъ чисто психологическихъ, не могло не стать для воспріимчиваго юноши пагубнымъ.

По милости Узколобова Тряпкинъ началъ и пьянствовать. Случилось это въ первый разъ при такихъ обстоятельствахъ. Однажды зимою, въ половинѣ второго года службы, Митя пересчитывалъ только что полученное жалованье и уже собирался пересыпать его изъ горсти въ кошелекъ, какъ къ нему подскочилъ Узколобовъ.

— Слушай-ка, Митька, не будешь ли ты любезенъ дать мнѣ до завтра одинъ золотой въ пять цѣлковыхъ?.. Кх... хи... хи... Я занималъ у кассира на два мѣсяца, а онъ, чортъ его дери, сегодня вычелъ изъ жалованья... Кх... х... х... А мнѣ сегодня нужно очень много денегъ. Такъ будь любезенъ пожалуйста, а... Я завтра отдамъ.

Митя далъ ему пять серебряныхъ рублей.

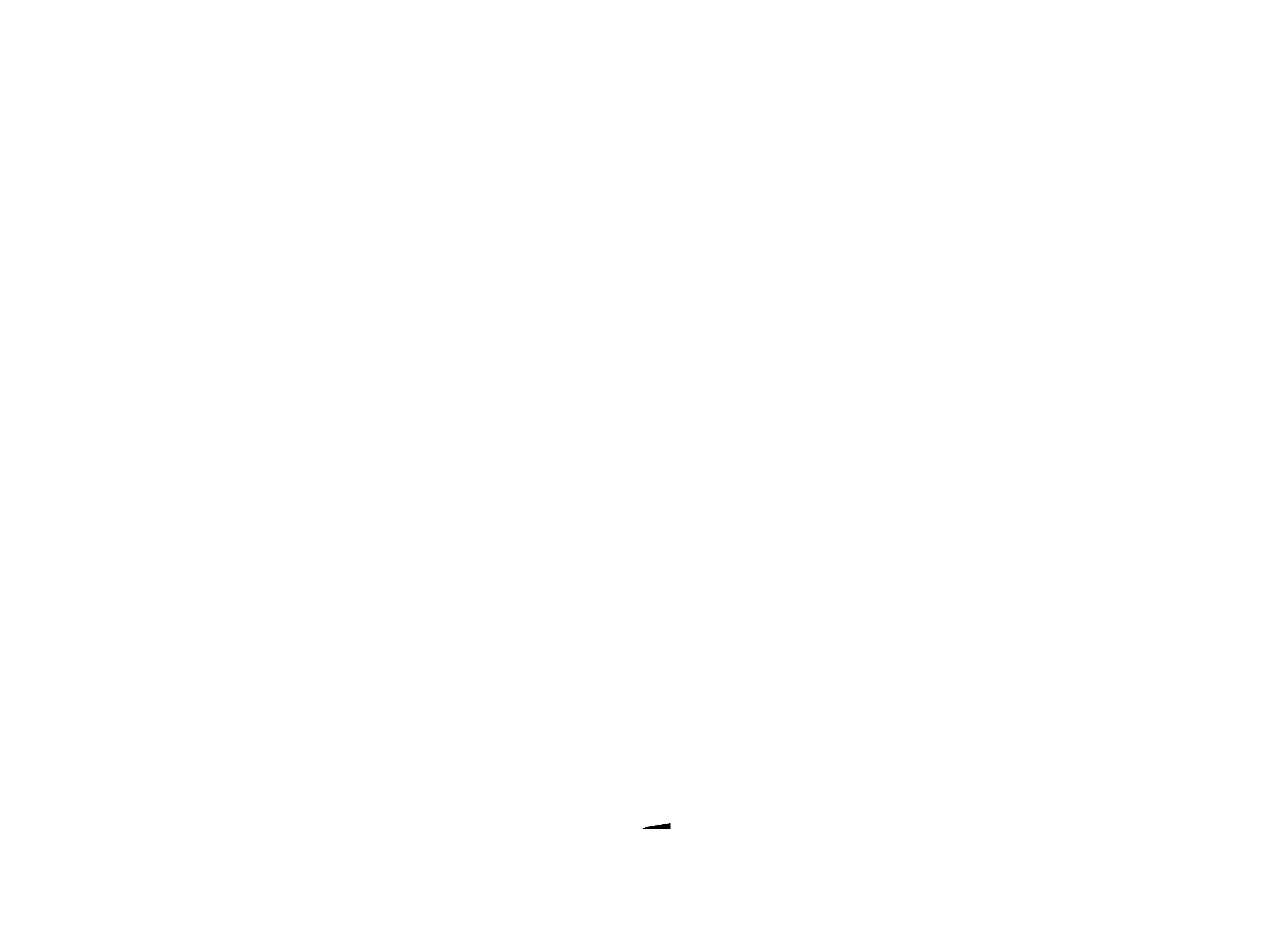
— А не пойти ли намъ сегодня куда-нибудь въ ресторанчикъ, а оттуда за городъ дернуть, а?.. У меня лихачъ есть знакомый... Ахъ, здорово прокатитъ, сукинъ сынъ!.. Кх... хи...

Узколобовъ не вралъ: у него, точно, были солидныя связи съ нѣсколькими бѣшеными лихачами, на которыхъ онъ частенько просаживалъ все свое жалованье.

Митя вспомнилъ о матери, но отказаться былъ не въ силахъ: ему давно уже хотѣлось гульнуть такъ, чтобы самъ Узколобовъ назвалъ его молодцомъ, и совѣстно было признаться въ боязни огорчить матушку.

— Пожалуй,—отвѣтилъ онъ сначала уклончиво, потомъ встряхнулъ головой и сказалъ рѣшительно:—ѣдемъ, чортъ возьми!

Вечеромъ пріятели сидѣли въ ресторанѣ и пили коньякъ, водку и еще какую-то гадость, какой Митя прежде нигдѣ и не видывалъ. Посѣтители, столы подъ бѣлоснѣжными скатертями, тропическія растенія въ кадкахъ, акварій съ живыми стерлядями, оффиціанты въ синихъ фракахъ съ металлическими пуговицами,—все это рисовалось передъ Митей смутно и словно въ туманѣ, но празднично и игриво, а звуки струннаго оркестра и даже самый шумъ были тоже какими-то туманными и дремотными, но невыразимо сладкими и гармоничными... Потомъ, все это перемѣшалось и куда-то поплыло съ нѣжнымъ ропотомъ. Митя чуть помнилъ, какъ Узколобовъ, покачиваясь пронзительнѣе обыкновеннаго хихикая, потащилъ его къ выходу, втиснулъ въ сани и крикнулъ:—Валяй, Порфирій, жарь во всю мочь... Кх... х... и... сѣшь, туда, гдѣ мы третьяго дня-то съ тобой были... Кх... хи...

Жидокъ поблѣднѣлъ, съежился и поскакалъ въ свой кабинетъ. Въ тотъ же день вечеромъ Тряпкину было выдано двухмѣсячное жалованье и объявлено, что мѣсто его числится вакантнымъ.

II.

Тряпкинъ сильно запилъ съ горя и три дня не показывался домой. Сидя теперь съ тяжолой головою за столомъ, въ своей комнаткѣ, гдѣ мы оставили его въ началѣ разсказа, онъ обдумывалъ, какъ приготовить мать къ удару. Всѣ чувства какъ-то застыли въ немъ,—только одинъ ѣдкій стыдъ глодалъ его сердце.

—Нѣтъ, нѣтъ, такъ не годится, рѣшилъ онъ:—лучше подожду еще немножко... пока деньги есть... Авось, на счастье, и мѣсточко какое-нибудь выпадетъ: вѣдь, трое за меня хлопочутъ. А если сейчасъ сказать о всемъ матушкѣ, она пожалуй съ ума сойдетъ. Бѣдная старушка. Глазами уже слаба стала, а все еще шьетъ и не ропщетъ, даже ночами засиживается... И не упрекаетъ меня: должно быть, надѣется еще, бѣдная, что исправится, образумится ея безумный сынъ... Да гдѣ же мнѣ исправиться, если я кусочка хлѣба не могу проглотить безъ водки... Господи, да скоро ли конецъ-то, скоро ли?..

Тряпкинъ поднялъ глаза на икону Спасителя въ серебряной ризѣ, на которой кротко трепетало зеленое сіянье лампадки; строго взглянулъ на него темный ликъ Божественнаго Страдальца...

— Измучился я... душа изболѣла... Не вѣрю я въ обновленіе. Мнѣ уже и во снѣ никогда не вернуть прежней свѣжести и бодрости... Сердце ноетъ, и въ мозгу словно камень лежитъ. Зачѣмъ же я еще матушку-то мучаю, если уже не могу быть для нея прежнимъ сыномъ... Бѣдная ты, несчастная, жалкая женщина... И зачѣмъ ты меня такъ любишь? Не лучше ли было бы и для тебя и для меня, если бы, ты какъ-нибудь задушила меня пьянаго... Вѣдь, легче сразу оторвать больную часть отъ сердца, чѣмъ мучиться и мучиться, не зная, когда конецъ настанетъ этимъ мученіямъ... Можетъ быть въ могилѣ... Матушка, несчастная... Я вижу, какъ она таетъ съ каждымъ днемъ. Самому бы покончить съ собою. Да гдѣ же мнѣ... Для этого нужна сильная воля или безумное отчаяніе, а я сталъ такимъ подлецомъ, что не только утратилъ всякую волю, но даже ни разу не задумался надъ своимъ паденіемъ... отупѣлъ какъ-то...

Сзади раздались шаги. Тряпкинъ вздрогнулъ и оглянулся. „Вотъ она... Нужно уходить... Не могу смотрѣть на нее трезвый. Силъ нѣтъ, стыдно.“

Въ комнату вошла слегка сгорбленная женщина лѣтъ пятидесяти пяти, съ маленькимъ морщинистымъ, желтымъ лицомъ и грустными ввалившимися глазами; изъ-подъ теплаго платка выбивалась жидкая прядь сѣдыхъ волосъ. Въ рукахъ она держала большой узелъ.

— Куда же ты, Дмитрій? — спросила она съ напускной строгостью, видя, что сынъ снимаетъ со стѣны пальто.

— На службу,—отвѣтилъ онъ глухо и грубо...

Когда мы знаемъ за собою вину и сознаемъ невозможность загладить ее,—всякое напоминаніе о ней раздражаетъ насъ настолько, что намъ легче усугубить ее, жестоко оскорбивъ обличителя, зачастую незлобиваго и даже случайнаго, чѣмъ раскаяться.

— Хорошо ты вчера мать отчиталъ... Спасибо тебѣ. Эхъ, Дмитрій, накажетъ тебя Богъ. Плохая мать у тебя, что дѣлать, а пожалѣешь, какъ умру...

Старушка едва сдерживала рыданія: у нея покраснѣли глаза и защекотало въ горлѣ.

Сынъ сердито нахмурился и, не застегивая пальто, вышелъ въ корридоръ, сильно хлопнувъ дверью.

Долго несчастная мать стояла неподвижно и съ тоскою смотрѣла на принесенный узелъ съ работою, потомъ, обезсилѣвъ, упала на кровать, и слезы, ѣдкія, жгучія слезы неудержимо потекли по костлявымъ щекамъ...

Тряпкинъ спустился по грязной, темной лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Морозный воздухъ коснулся его пылающаго лица, и кровь въ вискахъ застучала еще сильнѣе; голова кружилась, и сердце колотилось такъ громко, что Тряпкинъ могъ считать его удары.

— Пойду за городъ, подумалъ онъ, — авось немножко отойду въ этой прогулкѣ... Тьфу, чортъ возьми, словно угорѣлъ! Давно не было такого похмѣлья.

Онъ плелся очень медленно и долго, но не замѣтилъ какъ пришелъ къ красильной фабрикѣ, стоявшей на самомъ краю города и почти рядомъ съ кладбищемъ.

— Гдѣ это я видѣлъ сейчасъ дрова... ахъ, да, это тамъ въ началѣ улицы...

Тряпкинъ оглянулся. Передъ нимъ разстилалась улица длинная и прямая, съ палисадниками по обѣ стороны, передъ каждымъ домикомъ; на улицѣ было тихо и пусто,—только изъ одного переулка вынырнулъ какой-то извозчикъ и, перерѣзавъ мостовую, скрылся за противоположнымъ угломъ, да на перекресткѣ расхаживалъ коренастый городовой.

— Господи, да неужели я сейчасъ шелъ этой улицей... Да, шелъ, здѣсь и дрова видѣлъ... Какъ все сегодня странно — точно во снѣ... Ахъ, если бы это въ самомъ дѣлѣ былъ сонъ, страшный сонъ, отъ котораго я очнулся бы въ холодномъ поту, но прежнимъ... юношей или, еще лучше, мальчикомъ, свѣжимъ, здоровымъ, жизнерадостнымъ... И какъ бы я радъ былъ пробужденію... Не хуже было бы и заснуть, крѣпко заснуть, такъ, чтобы и сновидѣнія не напоминали мнѣ о моемъ существованіи... Смерть, должно быть, такой же глубокій сонъ. . безъ пробужденія... Есть ли загробный міръ?.. Ахъ, я не могу вѣрить въ него, да и на что онъ мнѣ, когда я и здѣсь-то усталъ отъ жизни; онъ придуманъ тѣми, кто могъ полюбить эту жизнь, кому есть что потерять со смертью... Не вѣрю, не вѣрю...

Гдѣ-то слабо прозвенѣлъ свистокъ.

— Душа... продолжалъ размышлять Тряпкинъ, вступая за кладбищенскую ограду. А что она такое... Наука и философія, кажется, большинство искони мучившихъ человѣческій умъ вопросовъ разрѣшила удовлетворительно, а что такое душа, которой такъ настойчиво навязывается безсмертіе, ни та, ни другая, подобно мнѣ, сказать не можетъ... Прежде чѣмъ выдумывать загробную жизнь, нужно было рѣшить, точно ли душѣ свойственно безсмертіе; а какъ мы смѣемъ судить объ этомъ, не зная самаго существа души... Мнѣ говорятъ, что вопросъ этотъ мнѣ не по силамъ, что для того, чтобы разсуждать о такихъ высокихъ предметахъ, нужно много учиться, читать и думать... Да развѣ убѣдительнѣе сколько-нибудь туманные доводы науки или философіи въ пользу этого вопроса, чѣмъ простой и ясный взглядъ не учившагося, но мыслящаго мужика... Мужику вѣра въ безсмертіе необходима потому, что она составляетъ опору его религіи, безъ которой страдная, безпросвѣтная жизнь была бы для него проклятіемъ... А зачѣмъ уму культурному непремѣнно хочется доказать безсмертіе; вѣдь эти отчаянныя попытки ума не могутъ создать безсмертія, если его нѣтъ; а если оно есть, то не смѣшны ли эти безконечные споры и насилія надъ бѣднымъ мозгомъ... Развѣ истина нуждается въ защитѣ... Я думалъ не меньше другихъ. И что же?.. Я согласенъ, пожалуй, видѣть не только въ человѣкѣ, но и во всякомъ живомъ существѣ, непремѣнно живомъ, ту сознающую себя силу, которая оживляетъ его и завѣдуетъ всѣми его отправленіями... Но почему ростъ ея идетъ рука объ руку съ ростомъ самого тѣла; почему претензіи на безсмертіе являются у нея только тогда, когда она убѣдится въ неизбѣжности смерти?.. Почему душа, невещественная и нетлѣнная такъ боится морозовъ, воды, огня, дыма, ножа,

пули. Почему видимыя отправленія ея прекращаются, какъ только остановится сердце и застынетъ мозгъ... и почему она мгновенно покидаетъ свою оболочку, — если тѣло точно лишь ея оболочка, — какъ только чуть-чуть уколоть мозгъ черезъ затылочное отверстіе?.. Или мозгъ такъ неожиданно и непріятно раздраженный, выталкиваетъ ее вонъ, не разобравъ въ запальчивости, что виновата не она, а иголка... Сонъ уподобляютъ смерти... А зачѣмъ обходятъ обморокъ... Неужели сонъ ближе къ смерти, чѣмъ обморокъ... Со мной обмороки бывали довольно часто, и иногда очень глубокіе... Гдѣ же пропадала душа моя, пока надо мною возились съ холодной водой и спиртомъ, — нечего сказать, хорошая приманка, для души, чтобы удержать ее въ грѣшномъ обморочномъ тѣлѣ... Ну, и развѣ я, очнувшись, могъ что-нибудь припомнить, кромѣ предвѣстниковъ этого ужаснаго состоянія, — шума въ ушахъ, непріятнаго томленія подъ сердцемъ и странной темноты въ глазахъ?.. Или сознаніе къ душѣ возвращается лишь по оставленіи тѣла... Почему-же... Господи, да что это за мысли сегодня лѣзутъ мнѣ въ голову... Странно какъ-то... давно уже я ни очемъ не думалъ, а теперь просто ни одной мысли поймать не могу, — словно въ чехарду онѣ играютъ... И все лѣзутъ и лѣзутъ новыя. Кажется, и не передумаешь всѣхъ... Имъ даже тѣсно уже въ головѣ... О чемъ я... Да... спиритизмомъ еще хотѣли сбить меня съ толку... Дурака нашли... Я бывалъ на сеансахъ... и не скажу, чтобы сомнѣвался въ подлинности явленій. Но зачѣмъ же для успѣшности ихъ нужно садиться въ извѣстномъ порядкѣ, и сидѣть такъ до тѣхъ поръ, пока не заноютъ нервы и кожа на темени не начнетъ морщиться?.. Пускай тѣло наше имѣетъ свойство выдѣлять какой-то нервный эфиръ, развѣ это сколько-нибудь подтверждаетъ, что явленія производятся духами... Чудаки право... Вѣдь, если воля духа, дѣйствуя какъ-то на скопленія этого нервнаго эфира, можетъ производить такія удивительные фокусы... то чѣмъ же негодится для объясненія этихъ фокусовъ воля живого... живого... человѣческаго тѣла... которая дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ, ну хотя бы на тотъ же самый нервный эфиръ, какимъ-нибудь неизвѣстнымъ образомъ... Да, неизвѣстнымъ образомъ... Что же смѣйтесь, стыдите меня, господа спириты... я откровенно сознаюсь, что не знаю, какимъ образомъ дѣйствуетъ здѣсь воля... А развѣ ваша теорія понятнѣе и основательнѣе... Что такое ваши духи, что такое матеріализація, какъ она совершается?.. Да вы и сами этого не знаете... Ну и ступайте со своимъ бредомъ подальше... Морочьте сумасшедшихъ и дѣтей... Матеріализація, флюиды, духъ... духъ... придумаютъ слово и успокоются на немъ, какъ будто имъ исчерпывается самое явленіе... Какія все это глупости... сказки, вздоръ... Пускай вѣритъ, кто хочетъ, а я не хочу, не хочу... Слышите вы, не хочу!..

Тряпкинъ остановился, затопалъ ногами и затрясъ головою передъ ржавой рѣшоткой, на которую наткнулся грудью. Онъ не замѣчалъ, что уже давно шагаетъ въ глубокомъ снѣгу, между могилами и по могиламъ и ведетъ разсужденіе вслухъ. Вокругъ пестрѣли кресты, рѣшотки, мшистыя, полузасыпанныя снѣгомъ старыя плиты и памятники въ видѣ гробовъ, аналоевъ съ раскрытыми книгами, гранитныхъ глыбъ, колонокъ съ мраморными ангелами; надъ нѣкоторыми холмиками, едва намѣчавшимися подъ снѣгомъ, убогіе кресты сильно покачнулись и словно скорбѣли о тѣхъ жалкихъ, забытыхъ маленькихъ человѣчкахъ, которые, Богъ знаетъ зачѣмъ, жили и даже гнить осуждены съ такими удобствами, какъ ихъ богатые братья... За что же, Господи?.. Гдѣ справедливость. Конечно, трупу все равно, гдѣ ни гнить, но развѣ живымъ, подлымъ живымъ людямъ не больно этими дорогими и никому ненужными памятниками и склепами оскорблять тутъ же тлѣющихъ многострадальныхъ чернорабочихъ тружениковъ и бѣдняковъ, которымъ и на землѣ и подъ землей отведено самое послѣднее мѣсто. Какъ мы смѣемъ говорить о равенствѣ, если даже и здѣсь его гнушаемся. Спите бѣдные, сирые, обездоленные, спите неоплаканные... Право все-таки лучше вамъ здѣсь, въ могилахъ, чѣмъ среди живыхъ, безсердечныхъ и алчныхъ вашихъ братьевъ, которые собирали жатвы на землѣ, удобренной вашими слезами и кровью и брезгливо выкидывали вамъ, какъ милостыню, маленькіе кусочки вашего же хлѣба... Спите... Здѣсь, по крайней мѣрѣ вы не сознаете этой ужасной несправедливости, этого неизгладимаго неравенства...

Оголенныя деревья плаксиво протянули къ бѣлому небу заиндевѣвшія вѣтви, словно жалуясь на холодъ и скуку. Въ самомъ воздухѣ какъ будто вѣяла смерть. Только въ одномъ мѣстѣ, какъ послѣдніе, слабые, но непобѣдимые остатки жизни, Пять-шесть сосенъ, сбившись въ кучку, угрюмо зеленѣли, распластавъ во всѣ стороны тяжелые клочья, густо покрытые снѣгомъ; но и онѣ, казалось, напряженно прислушивались къ какому-то подозрительному шороху, и готовы были при первой же явной опасности взмахнуть своими косматыми лапами, какъ крыльями и взлетѣть на воздухъ... Въ верху уныло перекликались галки, — эти траурныя птицы почему-то особенно любятъ мѣста нашего послѣдняго успокоенія...

Тряпкинъ долго не могъ опомниться и съ изумленіемъ смотрѣлъ на лиловый огонекъ лампады, теплившійся въ сѣромъ камнѣ, на которомъ была высѣчена нѣкогда золотыми буквами одна изъ самыхъ излюбленныхъ и самыхъ странныхъ кладбищенскихъ эпитафій:

„Покойся, *прахъ души* безцѣнной
Подъ сѣнію обители святой.
Ударитъ часъ конца вселенной,
И мы увидимся съ тобой“...

— Что такое... Гдѣ я... Кладбище... зачѣмъ кладбище?.. шепталъ онъ съ блестящими, странно блуждающими по сторонамъ глазами...

Ахъ, да... кладбище... Я самъ пришелъ сюда. Что жъ оно меня такъ удивило. И почему это сердце такъ больно сжимается... Какія глупости все это, и особенно сердце... Ну, что же тутъ особеннаго... Могилы, кресты... Здѣсь и отецъ мой гдѣ-то лежитъ... Ты слышишь меня, отецъ, и сознаешь ли что-нибудь?.. Сколько ихъ, тутъ, однако. А всѣ вѣдь жили когда-то и думали, какъ вотъ я теперь думаю... Но они вѣрили, а я не хочу... и не буду вѣрить... Трудно умирать безъ вѣры... Да... Говорятъ еще, что загробную жизнь необходимо признать въ силу какой-то логической цѣлесообразности... Бездушной природѣ навязываютъ логику, разумъ... Ну, чѣмъ же безсмертіе души цѣлесообразнѣе смерти ея вмѣстѣ съ тѣломъ?.. Для чего мы должны жить вѣчно, что мы будемъ дѣлать тамъ, за гробомъ... Неужели только думать или какимъ-нибудь непостижимымъ для смертныхъ образомъ созерцать дивную вселенную... и славословить Творца... Но это же просто ужасно... Я не хочу безсмертія... Да что же это за муки, Господи?.. Гдѣ Ты, что Ты... Если Ты слышишь меня и понимаешь, какъ я страдаю, — убей меня... убей, Господи... но только такъ убей, чтобы и душа моя была убита вмѣстѣ съ тѣломъ... Навсегда... такъ лучше... Усталъ я, изстрадался... Гдѣ это я видѣлъ такую хорошенькую кудрявою русую головку?.. Неужели и она тоже сгніетъ и ничего отъ нея не останется?.. Да, не можетъ этого быть, тутъ что-то не такъ... Постойте, какъ же это въ самомъ дѣлѣ... Охъ, какъ мнѣ скверно что-то, тяжело... тяжело... страшно...

Онъ остановился и сталъ прислушиваться. Грудь его дышала прерывисто, голова горѣла и ноздри раздувались широко и судорожно. И вдругъ ему почудилось, что здѣсь невидимо, но зловѣще и неумолимо присутствуетъ какая-то страшная, черная сила, которая вдругъ, какъ пламя, охватило его душу и мозгъ, засосала сердце, и давитъ, давитъ на мысль, такъ, что онъ не въ состояніи и овладѣть ею...

— Ахъ, ахъ... проклятая!.. прочь!.. закричалъ онъ внѣ себя, потрясая кулаками.

— Кресты... кресты... Чего имъ отъ меня нужно?.. Они шевелятся... и двигаются!.. и прямо на меня, прямо на меня!.. Задавить меня хотятъ

что-ли?! За что? Стой, стой, не дамся вамъ живой въ руки!.. Какъ же! Напугать тоже захотѣли. Я и не такіе страхи переживалъ... Да что же это, наконецъ, такое?.. Вонъ и дерево начинаетъ корчиться... Господи, да что же Ты-то смотришь?! помоги мнѣ.. Вѣдь я вѣрую теперь, вѣрую!.. Спаси меня!..

Тряпкинъ упалъ на колѣни и заплакалъ, какъ ребенокъ; потомъ вдругъ вскочилъ, какъ ошпаренный, прыгнулъ въ сторону и безъ оглядки побѣжалъ къ выходу. Ему показалось, что громадная стая живыхъ черныхъ пятенъ, вродѣ мышей, понеслась ему подъ ноги.

Долго бѣжалъ онъ, спотыкаясь и прыгая черезъ цѣлыя тучи черныхъ пятенъ и какихъ-то гадовъ, которые неслись навстрѣчу и тоже прыгали, проклятые, прямо ему на грудь, цѣпляясь за барашковый воротникъ шубы. Съ воплемъ дикаго ужаса сбрасывалъ онъ ихъ съ себя и давилъ ногами. Прохожіе съ изумленіемъ и испугомъ жались къ сторонѣ и, вздыхая, смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не исчезалъ изъ виду...

Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на площади, у самыхъ ногъ городового, которымъ и былъ поднятъ и отвезенъ въ участокъ.

По заключенію врача, которому Тряпкинъ со слезами и страшными ругательствами разсказывалъ о какихъ-то черныхъ крыльяхъ, мышахъ и змѣяхъ, — у него открылась бѣлая горячка...

КОНЕЦЪ.

12144/11